

VI.

У чужого счастья. Двѣ родныя могилы.

Годъ спустя послѣ свадьбы Мойеровъ посѣтилъ ихъ въ Дерптѣ, проѣздомъ за границу съ Блудовымъ, Ф. Ф. Вигель.

„Ты, вѣроятно, знаешь, что я съ ними познакомился, писалъ Блудовъ Жуковскому, говоря о его дерптскихъ друзьяхъ. „Что сказать новому Saint-Preux о его Юліи? Я воображалъ ее прекраснѣе, но не могъ вообразить лучше и милѣе. Надѣюсь, что она меня полюбила, разумѣется, за то, что я люблю тебя и твои стихи“ (изъ Лондона 9/21 августа 1818 г.) ¹⁾.

„Воспоминанія“ Вигеля записаны долгое время спустя послѣ событій, неизбежны были промахи памяти, но слѣды впечатлѣнія, хотя бы и односторонняго, остались. Вигель былъ членомъ Арзамаса, гдѣ носилъ имя Журавля, зналъ Воейкова, которому даетъ характеристику, любилъ Жуковскаго, хотя между ними, повидимому, особой близости не было: снѣ, напр., не посвященъ въ отношенія Воейкова къ Жуковскому, въ романъ Жуковскаго и Машы; знаетъ только, что Жуковский выросъ съ двумя дочерьми Пратасовой, „которыя любили его, какъ брата; говорятъ, онѣ были очаровательны. Меньшая выдана была за сосѣда, молодого помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого то у двухъ поэтовъ составилось болѣе, чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза: онъ былъ мужиковать, аляповать, неблагоуро-

---

1) Русская Старина 1902 г., октябрь, стр. 200.

день, она же настоящая сильфида, ундина, существо неземное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее“.

Въ Дерптѣ онъ познакомился съ ея сестрой, посѣтилъ Мойера, потому что давно зналъ о немъ „по заочности“; „связи съ Жуковскимъ не только сближаютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою“. И онъ записываетъ: въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ воспитанъ былъ Жуковскій; къ Воейкову, тогда профессору университета, пріѣхала его теща съ старшей дочерью, и онъ „нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера, самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ“.— Это было, какъ извѣстно, въ 1822 году.—То, что Вигель говоритъ о Машѣ, которую увидѣлъ впервые, напоминаетъ его отзывъ о сестрѣ; и здѣсь отмѣчено психологическое несоотвѣтствіе мужа и жены. Мимолетныя впечатлѣнія Вигеля тѣмъ цѣннѣе, что они видимо не направлены на этотъ разъ симпатіей къ Жуковскому и его сердечной судьбѣ. „Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на мнѣ М. А. Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земного; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ кажется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна, но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизгъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенную скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени все было въ ней просто, естественно и въ то же время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется, такъ взялъ бы да и расплывалъ, а находясь съ такими, какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. „Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?“ скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ *предупрежденъ* насчетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины. И это совершенство сдѣлалось добычей дюжана нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемірно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ-ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неравный союзъ

было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію, никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертациі. Глядя на г-жу Мойеръ, такъ разсуждалъ я самъ съ собой: кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно, какія нибудь препятствія, и тутъ *кроется, можетъ быть, какой нибудь трогательный романъ?* Она не долго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпущекъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ¹).

Изъ Петербурга Жуковскій нерѣдко навѣдывался въ Дерптъ къ своимъ. Онъ устраивалъ Машу: въ 1818 году совѣтовалъ Арбеновой помѣстить у ней на воспитаніе своихъ дѣтей; выгода Маши „требуется имѣть у себя пансіонеровъ; но вашихъ дѣтей имѣть въ домѣ была бы выгода и для ея сердца“. Въ письмахъ къ Арбеновой онъ говоритъ, что надѣется увидѣть въ Бѣлевѣ Елагину (А. П. Кирѣвская вышла во второмъ бракѣ за Елагина), Свѣчину и ее, „товарища старины“. Отъ этой старины осталось лишь хорошее воспоминаніе: „Промежутокъ времени, въ который наша съ вами дружба ходила въ дурацкой маскѣ-досады, долженъ быть причисленъ къ тѣмъ эпохамъ жизни, въ которыя болѣли у насъ зубы, была лихорадка и прочее; слѣдовательно ни къ чему: ибо въ такое время не живешь, а только барахтаешься или пьешь хину. Сердце мое по ста-

---

1) Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. 5, стр. 44, 77—79. Въ 1819 году 18 ноября И. Вилламовъ писалъ Кюхельбекеру изъ Дерпта: онъ знакомъ съ семьей Екатерины Афанасьевны Протасовой и съ ея милой дочерью, М. А. Мойеръ, въ ихъ обществѣ отводитъ душу: „веселятся безъ шума, разговариваютъ безъ церемоній, смѣются отъ сердца, радуются отъ души. Какова жизнь!“ Сл. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. IX, 1901 г., стр. 351. — Е. И. Елагина, урожденная Мойеръ, защищая память отца, протестуетъ противъ характеристики его, данной Вигелемъ, и нападокъ Пирогова. Защита бросаетъ свѣтъ и на семейныя отношенія: жизнь дома была простая, но веселая; Мойеру удалось своими концертами (онъ былъ хорошій пианистъ) основать въ Дерптѣ первый домъ для бѣдныхъ (Moierisches Armenhaus), Марья Андреевна продала для этой цѣли всѣ свои драгоценности. Окна этого дома выходятъ на ея могилу, старухи молятся за Мойера и за нее, глядя на ея могильный крестъ. Ея смерть страшно подѣйствовала на мужа: въ одинъ годъ онъ посѣдѣлъ; онъ умеръ 1 апрѣля 1858 года, протянувъ впередъ руки и воскликнувъ: Маша! Сл. Русскій Архивъ 1902 г. № 3, стр. 476 слѣд.

рому ваше, и въ немъ та-же благодарность на милую вашу дружбу, какая была и прежде.... Работаю; мѣсто данное мнѣ Богомъ, прекрасное; всѣ хорошія мысли и чувства въ движеніи: это значитъ — жить. Не бойтесь моего прошедшаго; оно разсталось со мною не злодѣемъ, а другомъ. Нѣсколько времени жестокой пустоты, вотъ и только; но я дурного не получилъ отъ него въ наслѣдство; напротивъ, всѣмъ хорошимъ ему обязанъ, хоть часто и былъ на порогѣ дурного. Богъ помогъ! Все дурное само собою наказано и погибло въ этомъ благодѣтельномъ наказаніи, хорошее живо и не умретъ. *Tout est conséquent dans la vie humaine. On a tort d'imaginer qu'il y a un sort*¹⁾.

А между тѣмъ въ его поэзіи продолжаютъ отзываться неспокойныя ноты. Въ февралѣ 1819 г. онъ ѣздилъ въ Дерптъ недѣли на три²⁾. 12-мъ іюля подписанъ переводъ изъ Шиллера „Къ Эммѣ“:

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины;
Неприступною звѣздою
Ты сіяешь съ вышины!
Ахъ! звѣзды не приманить!
Счастьемъ бывшему не быть!

Еслибъ жадною рукою
Смерть тебя отъ насъ взяла,
Ты была бъ моей тоскою,
Въ сердцѣ все бы ты жила!
*Ты живешь въ сіяньи дня,
Ты живешь не для меня.*

Съ послѣдней строфой переводчикъ не совладалъ. Шиллеръ спрашиваетъ, можетъ ли пройти любовь, а что прошло, было ли любовью? Неужели ея небесное пламя исчезаетъ, какъ все земное? У Жуковскаго вышло темнѣе, непонятнѣе:

То, что насъ одушевляло,
Эмма, какъ то пережить?

1) Русскій Архивъ 1883 г., № 2, стр. 318—9: два письма къ А. Н. Арбеновой 1818 года.

2) Сл. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 229, 28 февраля; сл. Русскій Архивъ 1878 г., № 2, стр. 207—8.

Эмма, то, что миновало,
 Какъ тому любовью быть?
 Небомъ въ сердце зажжено,
 Умираетъ ли оно?

Это Шиллеръ, прилаженный къ сердечной исторіи Жуковскаго, Эмма — Мапа; къ тому же мѣсяцу относится стихотвореніе къ „Мойеру“¹⁾:

Счастливецъ! ею ты любимъ,
 Но будетъ ли она любима такъ тобою,
 Какъ сердцемъ искреннимъ моимъ,
 Какъ пламенной моей душою?

Возьми-жъ ихъ отъ меня и страстію своей
 Достоинъ будь судьбы твоей прекрасной!
 Мнѣ жъ сердце, и душа, и жизнь, и все напрасно,
 Когда нельзя всего отдать на жертву ей.

„Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ, писалъ онъ, вернувшись съ побывки въ Дерптъ, къ Елагиной. Бѣдная моя поэзія! Былъ въ Дерптѣ, какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь — разлука! Чѣмъ отъ нея вылѣчить“²⁾. Въ октябрѣ того же года Жуковский снова посѣтилъ Дерптъ проѣздомъ за границу, гдѣ онъ долженъ былъ состоять при великой княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ. Отсюда онъ писалъ Тургеневу (2 октября) и Елагиной (того же дня)³⁾: онъ надѣется освѣжиться впечатлѣ-

1) Стихотвореніе напечатано впервые г. Ефремовымъ по неизвѣстной рукописи, съ помѣткой: „въ іюлѣ 1819 года“ и указаніемъ, что стихи обращены къ Мойеру. Въ черновомъ автографѣ Жуковскаго ни даты, ни имени нѣтъ.

2) 25 января/3 февраля 1820 г., Русская Старина 1883 г., октябрь. Вилламовъ Кюхельбекеру 25 генваря 1820 г.: „былъ я у доброй *нашей* *маменьки* Е. А. Протасовой, гдѣ напелъ Василія Андреевича и поклонился ему отъ васъ. Въ воскресенье онъ насъ оставилъ ко всеобщему сожалѣнію. Вы не повѣрите, Вильгельмъ Карловичъ, какъ здѣсь любятъ нашего Жуковскаго; но чему тутъ удивляться? Какъ не любить такого добраго, благороднаго и любезнаго человѣка?“ Сл. отзывъ о Е. А. Протасовой: „что за женщина!“ въ письмѣ 17 апрѣля 1820 г. Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, 1. с., стр. 352, 353.

3) Сл. Зейдлицъ, Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, стр. 117—118.

ніями и снова приняты за поэзію: въ прусскомъ дворѣ нѣтъ поэзіи, за то трагедіи Шиллера и Гёте, музыка, дрезденскія галлерей, прирейнскіе замки! Въ письмѣ къ дерптскимъ друзьямъ изъ Берлина¹⁾ онъ спрашиваетъ о здоровьѣ своей Машы, у которой только что родился сынъ. Въ концѣ приписка: „Маша, милый другъ, напиши мнѣ о своемъ малюткѣ. За неимѣніемъ твоихъ писемъ перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это безцѣнный подарокъ! Тутъ вся ты, мой милый другъ и благодѣтельный товарищъ. Въ твоемъ сердцѣ ничто не пропало; еще кажется, ты стала лучше. Настоящая твоя жизнь, исполненіе твоихъ должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало въ пустотѣ разсѣянія. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И много милыхъ тѣней возстаетъ*“. Такъ въ старыя годы звалъ къ себѣ Жуковскій „подругу юныхъ дней“, мечту, чтобы она повѣяла на него минувшей жизнью, дала „сладкаго вкусить воспоминанья“.

19 и 27 ноября Жуковскій снова пишетъ Машѣ (сл. дневники); изъ-заграницы посылаетъ друзьямъ свои произведенія („Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ“²⁾); вернувшись, читаетъ въ Дерптѣ (гдѣ онъ пробылъ съ 29 января по 4 февраля 1822 г.), въ дружескомъ кружкѣ, отрывки перевода Орлеанской Дѣвы³⁾.

По возвращеніи въ Петербургъ 6 февраля 1822 года Жуковскій поселился съ семьей Воейкова. Онъ покидаетъ кафедру, писалъ о Воейковѣ 12 июня 1820 г. кн. Вяземскій Дмитріеву⁴⁾; 25 сентября того же года онъ уже былъ отъ нея отчисленъ и попрежнему метался въ поискахъ за положеніемъ, самонадѣянно и трусливо. Благодаря Ал. Ив. Тургеневу онъ получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ⁵⁾; со второй половины 1820 года редактировалъ вмѣстѣ съ Гречемъ „Сынъ Отечества“, гдѣ пристроилъ его Жуковскій; съ начала 1822 г. принялъ на себя изданіе „Русскаго

1) 1 ноября 1820 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 34 слѣд.

2) Зейдлицъ I. с. стр. 119.

3) Зейдлицъ, ib. стр. 123.

4) Русскій Архивъ 1866 г. № 11—12, стр. 1704—5. „Гдѣ Воейковъ, въ Дерптѣ или въ другомъ мѣстѣ? писалъ Антонскій Жуковскому 15 марта 1820 г.: у насъ слухъ пронесся, было, что онъ хотѣлъ перейти въ Казань“. Сл. выше стр. 210, прим. 5, стр. 212, прим. 1.

5) Записки Н. П. Греча, стр. 480.

Инвалида“ (доходное мѣсто, выхлопотанное ему Жуковскимъ); съ 1822 по 1825-й г. былъ первымъ инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго Училища по рекомендаціи Греча, и тамъ же преподавателемъ русской словесности. И онъ боялся, что и „Инвалидъ“, и инспекторство у него отнимутъ. Мы знаемъ, по его дѣланнымъ поэтическимъ признаніямъ, чѣмъ была ему его жена; въ посланіи къ „А. А. В.“ слышимъ тотъ-же обычный паеосъ:

Ты совѣсть, ангель мой и благотворный геній!
 Благодарю тебя, что ты меня спасла
 Отъ низкихъ склонностей, привычекъ, заблужденій,
 И въ пристань тихую корабль мой привела;
 Ты радость и печаль со мною раздѣляла,
 Ты счастье дней моихъ цвѣтами осыпала,
 И въ нашъ желѣзный вѣкъ, когда порокъ, развратъ,
 Изъ свѣта дѣлаютъ не свѣтъ, а мрачный адъ,
 Съ тобою проводилъ я время золотое;
 Съ тобой я не одинъ, съ тобой насъ и не двое¹⁾.

Но дома жилось по прежнему неладно, и Александрѣ Андреевнѣ приходилось горько отъ грубости и циническихъ выходокъ мужа²⁾. Жуковский поддерживалъ ее, какъ поддерживалъ въ Дерптѣ; писалъ ей изъ-заграницы. Она осталась такой же нездѣшней, мечтательной и любящей, блюдетъ завѣты учителя. На черновой тетради съ стихотвореніями Жуковскаго 1813 и слѣд. годовъ надписано: „Книга Александры Воейковой“, а ея рукой на поляхъ страницы съ набросками Вадима: „Жуковский, милый братъ, о лучшій изъ друзей“³⁾. Со-

1) М. А. Дмитриевъ, Мелочи изъ запаса моей памяти, М. 1869 г., стр. 202.

2) Записки Греча стр. 487—8, 494, 496.

3) Изъ содержанія этого сборника (нынѣ въ собраніи А. Θ. Онѣгина) отмѣчу: наброски Вадима, Славянка (черновой и перебѣленный текст), Овсяный кисель, Сказка о красномъ карбункулѣ, Ночной сторожъ въ деревнѣ; Опять ты здѣсь, мой богатый геній; Тлѣнность; Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ; Лѣтній вечеръ; Обѣтъ; „Княгиня, можно-ль такъ неблагодарнымъ быть“; Лѣсной Царь; Графъ Габсбургскій; переводъ Орлеанской Дѣвы; Минувшихъ дней очарованье; русскій и нѣмецкій текстъ стихотворенія Ж. П. Рихтера (на смерть королевы Виртембергской), чередующіеся черезъ строку: „Въ ту минуту, когда ты въ бѣлой брачной одеждѣ — In dem Augenblick, wo du im weissen Hochzeitskleide.

хранились ея альбомы съ стихотвореніями, письмами и замѣтками Жуковскаго ¹⁾; въ одномъ изъ нихъ помѣщено между прочимъ его стихотвореніе, обращенное къ Александрѣ Андреевичѣ въ 1807 г. („Подарокъ на Новый Годъ“) и — „философія фонаря“, знакомая намъ по письму къ Машѣ 28 апрѣля 1815 г. ²⁾. Затѣмъ приписка:

„Это все можетъ быть хорошимъ дополненіемъ къ тому, что ты мнѣ написала въ альбомѣ, моя Сапа. Мы думаемъ одно, хотя разными словами высказываемся. То, что здѣсь написано, я написалъ для себя гораздо прежде, чѣмъ прочиталъ твое: *Wünsche nicht mit Leidenschaft*. Желать чтонибудь страстно значить мѣшаться въ дѣло Провидѣнія; рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее. *Mettons à la place de l'Espérance trompeuse la Providence, qui ne trompe pas, alors tout devient conséquent dans la vie. On sait d'avance le mot de l'énigme. Ce mot n'est autre chose que: mériter.*

Einfachheit und Wahrheit,
Ewige, unzertrennliche Freundschaft.³⁾

Въ томъ же альбомѣ признанія и афоризмы Воейковой сопровождаются замѣчаніями Жуковскаго: (Воейкова) *J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherais le bonheur que dans l'habitude.* — (Жуковский) *C'est que vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer, qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude?* — (Воейкова) *Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie, puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets. — Est ce que la mort est une séparation?* спрашиваетъ Жуковский и отвѣчаетъ стихами Шиллера:

На послѣдней страницѣ рукописи собственноручная выкладка Жуковскаго, сколько ему было тогда лѣтъ; годъ рожденія опредѣленъ 1783 г., 29 генваря; это разрѣшить, повидимому, поднимавшіяся хронологическія сомнѣнія.

1) Одинъ изъ альбомовъ находится въ собраніи А. Θ. Онѣгина, другіе описаны въ Русской Старинѣ 1902 г., апрѣль, стр. 189 слѣд., откуда взяты и слѣдующія указанія.

2) Въ Русской Старинѣ запись въ альбомѣ Воейковой отнесена къ 30 апрѣля 1810 года; очевидно, по ошибкѣ. Текстъ совпадаетъ съ приведеннымъ выше стр. 196—7. Нач. „Я когда-то написалъ. . . А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ“.

Schwester, über im Sternfeld
Muss ein guter Vater wohnen.

Оберегая покой своей Саши, Жуковский дѣлалъ все, чтобы устроить ея мужа, поддерживалъ въ немъ поэта и не уважалъ человѣка, защищалъ, потому что боялся его раздражать. Воейковъ „обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей, прекрасной, умной, образованной и добрѣйшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицей, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка, писалъ Гречъ. Всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея читателемъ и другомъ. Благородная братская къ ней привязанность Жуковского, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы“, извѣстны всѣмъ. Потомъ первыми ея гостями были Александръ Ивановичъ Тургеневъ и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ эти связи были чистыя и свѣтлыя и ограничивались благородною дружбою. Разумѣется, въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее, клеветали и лгали на нее“ ¹⁾. „Батюшковъ, Крыловъ, Блудовъ, Вяземскій, Дашковъ, Карамзинъ, словомъ, весь литературный цвѣтъ столицы охотно собирался въ гостиной Александры Андреевны, въ которой Жуковский пользовался властью дяди“ ²⁾. Благодаря женѣ Воейкову спускали всякіе неблаговидные поступки: покурятъ и подведутъ „подъ милостивый манифестъ прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны“ ³⁾. — Впослѣдствіи являлся сюда и Л. С. Пушкинъ, и братъ просилъ его отвыкнуть — „отъ вина и отъ Воейковой“ и не украшать ея альбомы его стихами вмѣсто того, чтобы переписывать ихъ для печати ⁴⁾.

Всѣхъ серьезнѣе привязался къ Воейковой Александръ Ив. Тургеневъ.

„Жуковского Свѣтлана пріѣхала сюда, и я видѣлъ ее въ первый разъ съ какимъ то поэтическимъ чувствомъ“ писалъ Тургеневъ кн. Вяземскому 20 сентября 1820 г. Онъ сталъ

1) Гречъ, Записки, стр. 487. Сл. выше стр. 145, прим. 3 на стр. 145—6 отзывъ Кс. Полевого.

2) Зейдлицъ I с. стр. 127—8.

3) Гречъ, стр. 496.

4) Письма А. С. Пушкина къ брату начала ноября 1824 и 23 іюля 1825 г.

бывать у Воейковых¹⁾, нашелъ въ ней „прелесть добродушія и любезнаго ума“²⁾.

Уѣзжая за границу Жуковскій поручилъ другу свою Сашу³⁾. „Письмо къ Сашѣ и Тургеневу вмѣстѣ“ записываетъ онъ себѣ на память уже на пути (дневникъ 1820 г. 10 октября). Свѣтлана Жуковскаго „врядъ ли не лучше стиховъ его, пишетъ Тургеневъ кн. Вяземскому: тихое созданіе, съ прекрасной душой и съ умомъ образованнымъ. Теперь не она по Жуковскому мнѣ мила, но Жуковскій становится интереснѣе по ней. При ней можно отдохнуть отъ жизни и снова разцвѣсти душой. Большой свѣтъ не опалилъ ее своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, но она имѣетъ всю любезность, необходимую для большого свѣта. Смуглый Воейковъ fait ombre au tableau, но и онъ добрѣетъ и свѣтлѣетъ при ней. Nonni soit qui mal y pense“ (6 октября 1820 г.). „Отъ Свѣтланы его свѣтлѣетъ душа“ (къ нему-же 8 октября 1820 г.). Чѣмъ больше онъ узнаетъ ее, тѣмъ больше привязывается. „Какая милая душа и какой высокій характеръ! Она все прекрасное умѣла соединить въ себѣ. При ней цвѣту души. Она моя отрада въ Петербургской жизни. Жаль, что судьба назначила ей испытаніе, но она выше судьбы своимъ сердцемъ и своею религіею. Nonni soit qui mal y pense“ (къ нему-же 3 ноября 1820 г.).

Жуковскій самъ создалъ этотъ тройственный союзъ идеальной дружбы, и въ этомъ созданіи общія письма играли такую-же роль, какъ въ юную тургеневскую пору. Изъ-за границы онъ послалъ Тургеневу письмо для доставленія Сашѣ: „получилъ-ли ты его, и отдалъ-ли, и прочиталъ-ли? Оно столько же къ тебѣ, сколько къ ней.... Ты говоришь, что я тебя не познакомилъ съ Сашею; а развѣ я не читалъ тебѣ ея писемъ? (27 ноября 1820 г. Берлинъ; сл. дневникъ 7/19 декабря 1821 г.: „писалъ къ Сашѣ и Тургеневу“). Между тѣмъ дружба, видимо, грозила обратиться въ любовь, и Жуковскій волнуется, предупреждаетъ друга въ томъ же письмѣ: „твоя привязанность къ моей Сашѣ (не хочу назвать этого любовью) есть наше общее благо и только намъ двумъ принадлежащее благо..... Я уже не имѣю такого собственнаго; но это бу-

1) Письмо къ тому же 22 сентября того же года.

2) Къ тому же 28 сентября того же года.

3) Сл. письмо къ Ал. Тургеневу 2 октября 1820 г.

детъ нашимъ общимъ.... Тебѣ надобно ласкать живую, возвышающую сердце причину любить добро (къ которому до сихъ поръ ты былъ привязанъ машинально, безъ наслажденія)..... Мы какъ будто сошлись опять на нашей дорогѣ, по которой шли не вмѣстѣ, а только помня другъ о другѣ. Лучшаго товарища не было, а милый, вѣрный, избранный смотрѣлъ по сторонамъ, безъ наслажденія, не забывалъ своего спутника, но и ничѣмъ не дѣлился съ нимъ. Теперь мы стоимъ передъ милымъ твореніемъ Божиимъ и радуемся имъ вмѣстѣ, съ одинакимъ, чистымъ, достойнымъ насъ обоихъ чувствомъ“. Но, „чтобы найти счастье въ дружбѣ къ тебѣ, надо, чтобы Сапа могла ей „предаться безъ всякаго сомнѣнія и чтобы она нисколько не была въ разладѣ съ собою. Но и тебѣ надобно для твоего счастья уничтожить въ немъ все, что принадлежитъ любви, а сдѣлать изъ него просто чистую, возвышенную жизнь“. Надъ послѣдними словами въ подлинникѣ письма рукою Тургенева написано карандашемъ: „Тогда и она (любовь) уничтожится! Жуковский судитъ по себѣ и думаетъ, что я могу быть счастливъ! Горькая ошибка!“

Въ дневникѣ 1821 года сохранилось нѣсколько указаній на письма Саши: „письмо отъ Саши“ (21 февраля/5 марта); „у великой княгини Сашино письмо: какая разнища!“ (25 февраля/9 марта); письмо отъ Саши (31 марта/12 апрѣля). Въ потсдамскомъ Cavalierhaus двѣ горницы, въ которыхъ жила великая княгиня; „милое, уединенное мѣсто, похожее своею привлекательною простотою на ея чистую душу. Сюда приду перечитывать несравненное письмо Саши, пожить воспоминаніями моего прошлаго и еще другого прошлаго, которое мнѣ неизвѣстно, но знакомо. Мѣсто, гдѣ жила прекрасная душа, свято“ (4/16 апрѣля); „въ первый разъ прочиталъ Сашино письмо“ (5/17 апрѣля). Въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, на футлярѣ котораго помѣчено: Berlin den 3 april, Жуковский записалъ 17/29, вѣроятно, апрѣля 1821 г.: „съ нѣкотораго времени природа имѣетъ на меня удивительное дѣйствіе, пишетъ Сапа: точно въ ней находишь замѣну тому, въ чемъ жизнь отказываетъ! Весь міръ въ мою тѣснится грудь. Pas le monde d'autrefois qui remplissait mon âme d'une joie d'enfant, dans lequel je voyais seulement les fleurs et le plaisir“, а серьезный міръ, который говоритъ о своемъ Создателѣ и даетъ душѣ истинную силу. „Во всемъ видишь Бога. Tout met en rapport avec les absents et avec un

monde où il n'y aura plus d'absence. Иногда точно ждешь минуты послѣдней, кажется, сейчасъ настанетъ, и душа готова отвѣчать: Здѣсь, Господи, буди воля твоя“.

Слѣдуетъ въ альбомѣ замѣтка: „Aimer sans rapporter à soi c'est la seule manière d'aimer avec calme, car c'est avec innocence qu'on aime et ce n'est qu'alors“.

Поручая Тургеневу поздравить Воейкову съ новымъ годомъ, кн. Вяземскій цитуетъ стихъ изъ пьесы И. И. Козлова: пусть этотъ годъ будетъ для нея такъ же свѣтелъ, „какъ душа Свѣтланы“ (къ Тургеневу 2 января 1822 г.). А Тургеневъ пишетъ Жуковскому, что если не писалъ ему, то виною тому единственно лѣнь. „Ты вѣрно не такъ думаешь, какъ ты писалъ къ С(ашѣ), и я никакъ не могъ забыть тебя, во-первыхъ изъ благодарности за . . . , но не скажу за что, вовторыхъ изъ искренней душевной любви“ (1822 г. 18 июня¹).

„Свѣтлана“-Воейкова была музой И. И. Козлова, стараго пріятеля Жуковского по Москвѣ, которому онъ посвятилъ свою „Наталью Долгорукую“; въ Петербургѣ онъ присталъ къ его интимному кружку. Александра Андреевна печаловалась о слѣпомъ поэтѣ (Но ты, Свѣтлана, обо мнѣ Ты слишкомъ много сожалѣешь. „Къ Свѣтланѣ“), старалась утѣшить его. „Свѣтлана добрая твоя Мою судьбу перемѣнила“, говорилъ Козловъ, привѣтствуя вернушагося изъ путешествія друга („Къ другу В. А. Ж. по возвращеніи его изъ путешествія“):

Какъ ангелъ Божій низлетя,
Обитель горя посѣтила
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случались ли когда, что вдругъ,
Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ,—тогда, мой другъ,
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала,
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать,
Своимъ то сердцемъ отгадала.

---

1) Приписка къ письму Блудова, Русскій Архивъ 1902 г. № 6.

Въ альбомъ Воейковой Козловъ написалъ стихотвореніе „Къ С(ап)Ѣ“, переводъ байроновскихъ Lines written in an album at Malta ¹⁾: какъ путникъ, бродя по кладбищу, вспомнеть былое, увидѣвъ знакомый могильный камень, такъ и ты, когда твоему взору, полному тоской, попадетъ въ альбомѢ мое имя: все, чѣмъ жизнь цвѣтеть, мнѣ миновалось,

Лишь вѣрь тому, что у тебя
Мое здѣсь сердце *все* осталось ²⁾.

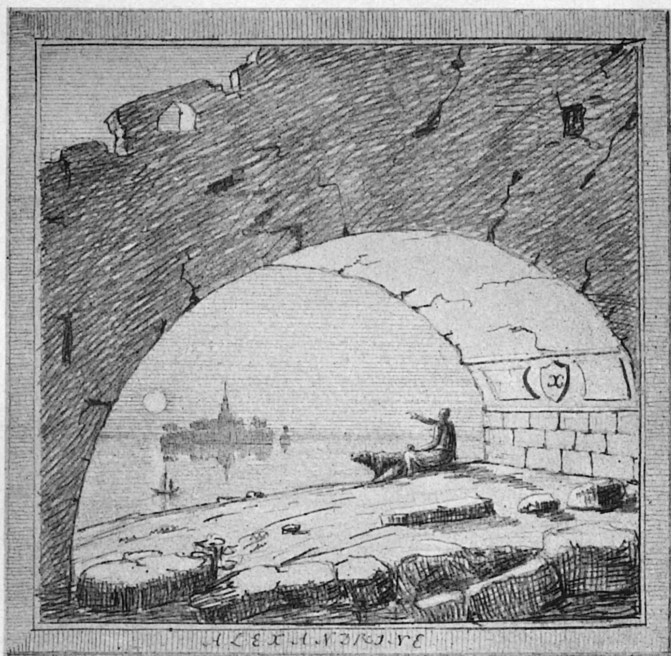
Пока Жуковскій затѣвалъ новую amitié amoureuse и онъ и Тургеневъ хлопотали о ВоейковѢ, послѣдній писалъ въ своемъ дневникѣ: „Жуковскій, какъ ангелъ утѣшитель, прискакалъ изъ Павловскаго“, успокаиваетъ и утѣшаетъ его, „не совѣтуетъ идти въ парско-сельскіе директоры Лицея. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковскаго нелѣпы и смѣшны“. Тургеневъ пишетъ ему письмо „оскорбительное и огорчительное; можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому есть границы: кто не объявляетъ своего права опекунства надо мной? Кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже, подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе“. „Убийственное письмо отъ Жуковскаго. Екатерина Аванасьева совершенно овладѣла имъ“. „Жду съ надеждою, а больше со страхомъ Жуковскаго. Что могу я ожидать отъ глушца, который живетъ въ эфирѢ, который погубилъ собственное счастье, исполняя волю Екатерины Аванасьевны, сошедшей съ ума на слезахъ ложной чувствительности и жертвованіяхъ“? ³⁾. Когда на Жуковскаго явилась извѣстная эпиграмма (Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею) ⁴⁾, онъ

1) Новости Литературы 1822 г. кн. I, № XII, стр. 191—2.

2) Сл. Остафьевскій Архивъ II, письмо Тургенева къ князю Вяземскому 21 февраля 1822 г. („вотъ газета и стихи слѣпного Козлова въ album ангела Воейковой“) и ib. прим. на стр. 531.

3) Сл. Колбасинъ, Литературные дѣятели прежняго времени, стр. 274, 278—9; сл. стр. 283.

4) Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На ленту промѣнялъ онъ миртовый вѣнецъ,
Не подражая больше Грею,
Съ указкой втерся во дворець.
И что же вышло наконецъ?
Предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

Изъ альбома А. А. Воейковой.

говорилъ Гречу: „скажите Булгарину, что онъ напрасно думалъ уязвить меня своею эпиграммою: я въ дворецъ не втирался, не жму руки никому. Но онъ принесъ этимъ большое удовольствіе Воейкову, который прочелъ мнѣ эпиграмму съ невыразимымъ восторгомъ“ 1).

Лѣтомъ 1822 г. пріѣхала изъ Дерпта Екатерина Аванасьева на родину дочери, которая писала Елагиной: съ тѣхъ поръ какъ она съ Жуковскимъ, небо разцвѣло; они живутъ воспоминаніями (à reculons), которыхъ лучше дѣйствительности и особливо будущаго. — „Здѣсь подлѣ меня одна Сапа, извѣщаетъ Елагину Жуковскій изъ Царскаго Села 27 іюля того-же года; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня по прежнему, но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни! Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ: весело творить, это наполняетъ душу, и душа выражается въ томъ, что она производитъ. Но эти прекрасныя минуты раздѣлены пустыми промежутками“ 2).

Осенью того-же года Жуковскій проводилъ въ Дерптъ Протасову. „Видѣлъ Машу, пишетъ онъ Елагиной, говорилъ съ ней о ней — и доволенъ: это поэзія. Мы говорили о нашей утопіи. Она непремѣнно должна сгромоздиться, но когда? Будемъ ждать и надѣяться передъ затворенною дверью. Пока то пускай будетъ нашею радостью, что мы всё сбережены другъ для друга. Судьба погрѣбла мимо насъ, поколотивъ насъ мимоходомъ, но не разбивъ нашего лучшаго: любви къ добру, уваженія къ жизни и вѣры въ прекрасное .... Теперь мы вмѣстѣ съ Сапей, хотимъ кое-какъ строить спокойное, дѣятельное (если уже нельзя счастливаго) chez-soi; хотимъ ставить фонарики, думая и о нашихъ дальнихъ фонарныхъ мастерахъ, которые съ нами за одно работаютъ и зажигаютъ свои свѣчки. Со временемъ будемъ и вмѣстѣ“ 3).

Объ этихъ „фонарныхъ мастерахъ“ онъ мечталъ — съ карандашемъ въ рукѣ: женская фигура сидитъ въ глубокой нишѣ, съ которой открывается видъ на широкую полосу воды; за ней вдали линія цвѣтущаго берега — волшебный край; внизу подписано: Alexandrine. Либо на изрытомъ утесѣ, у подножья

1) Записки Греча стр. 493. Эпиграмму приписывали то Булгарину то А. С. Пушкину, Александру Вестужеву, Воейкову.

2) Зейдлицъ I. с. стр. 126—6.

3) Зейдлицъ I. с. стр. 126—7.

башни или маяка, фигура воина въ шлемѣ, смотрящаго въ морскую даль; на одномъ изъ скалистыхъ выступовъ имя: Tourguenef; наконецъ имя Cathérine (Екатерина Аванасьевна) красуется на рисунокѣ: гора, обращенная къ морю, на ней фигура въ облаченіи католическаго монаха съ крестомъ въ рукѣ¹⁾.

Судьба не надолго сберегла ихъ другъ для друга. Послѣдовавшій вскорѣ отъѣздъ Воейковой, здоровье которой разстроилось въ невыносимой семейной обстановкѣ, разлука съ дорогой племянницей, вдругъ раскрыли передъ Жуковскимъ ту бездну дѣйствительности, которую онъ прикрывалъ поэтической пеленой съ изображеніями кроткаго счастья въ любви къ добру и вѣрѣ въ прекрасное. Тогда, быть можетъ, онъ послалъ Машѣ свою „Пѣсню“, передѣлку Байроновской (Stanzas for music²⁾):

Отымаеть наши радости,
Безъ замѣны хладный свѣтъ.

Передѣлка, какъ всё у Жуковскаго: исчезли острые тона, усиленъ элементъ элегіи. Сердце увяло прежде юности, счастье стало игрушкой волнъ; Байронъ шелъ на встрѣчу одному изъ любимыхъ образовъ Жуковскаго: челнъ, который мчитъ море (Сл. Пловецъ 1811 г., Стансы 1815 г., Жизнь 1819 г., Къ кн. Оболенской 1821 г.), но другіе, Байроновскіе, не укладывались въ новое настроеніе: Байронъ говоритъ о тѣхъ немногихъ, которые, уцѣлѣвъ послѣ крушенія счастья, лишены кормила, относятся на мели преступленій, увлекаются въ океанъ страстей. „Преступленія“ и „бурныя страсти“ устранены. И далѣе

1) Рисунки карандашемъ взяты изъ альбома А. А. Воейковой ея внукомъ графомъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Они нумерованы; бумага Whatman 1821 года, съ золотымъ обрѣзомъ. Рисунки съ именами Alexandrine и Cathérine воспроизведены въ моей книгѣ съ согласія ихъ владѣльца, Евг. Евг. Рейтерна.

2) См. Вѣлинскій. Соч. VIII, стр. 240—1. „Пѣсня“ написана въ 1820 г. Зейдлицъ, I. с. стр. 128, повидимому, относитъ посылку ея къ Машѣ къ 1823 г.; она могла не знать ее, почему и выразилась въ письмѣ къ Зейдлицу: „Seine schonе Seele ist eine der grossten Zierden der Welt Gottes. Wenn nur sein letztes Gedicht nicht da ware!“ Но, можетъ быть, Зейдлицъ ошибся въ датированіи письма. — Такой же вопросъ поднимаетъ „Пѣсня“ („Розы разцвѣтають“), относимая изданіями къ 1831 году, тогда какъ, по разсказу Зейдлица (I. с. стр. 149, прим. 1), пьесу эту особенно любила А. А. Воейкова († 1829 г.).

Ш

Изъ альбома А. А. Воейковой.

тотъ же пріемъ: смерть закралась въ душу, охладѣвшую къ наслажденіямъ и бѣдамъ; у Байрона: сердце не способно сочувствовать чужимъ страданіямъ, не смѣетъ думать и о своихъ. Порой еще блещетъ остроуміе и веселье расширяетъ грудь въ полночный часъ, не приносящій прежней надежды на покой, — продолжаетъ Байронъ; для Жуковскаго „прежнее“ — воспоминаніе, и если это прежнее ошибкою

Въ сердце сонное зайдетъ —
 То обманъ: то плющъ, играющій
 По развалинамъ сѣдымъ:
 Сверху листъ благоухающій,
 Прахъ и тлѣніе подъ нимъ.
 Оживите сердце вялое,
 Дайте быть по старинѣ,
 Иль оплакивать бывалое
 Слезъ бывалыхъ дайте мнѣ.

Марья Андреевна эта пѣсня не понравилась; чѣмъ больше я ее читала, тѣмъ становилась печальнѣе, писала она Зейдлицу. Глубже, чѣмъ Жуковскій, она вжилась въ то полусчастье, въ которомъ способность любви расходовалась на *amitié amoureuse*; надпись на ея печати 1816 г. для нея характерна: *Activité dans un petit cercle* ¹⁾. Для нея Жуковскій, ея Jouko, остался навсегда дивнымъ человѣкомъ, *der Herrliche*, но она говорила и о своемъ „дивнымъ Мойерѣ“ (*mein herrlicher Moier*). „Мнѣ выпалъ совсѣмъ иной жребій сравнительно съ тѣмъ, о чемъ я мечтала“, писала она въ іюль 1822 г.; „сегодня 2-ое іюля, день, въ который Мойеръ сдѣлалъ мнѣ предложеніе; я была тогда очень несчастлива, но благодарю милосердаго Бога, что все случилось такъ, какъ случилось“ ²⁾.

За годъ до смерти она посѣтила родныя мѣста, гдѣ начался ея романъ съ Жуковскимъ. Точно она предчувствовала, что ей жить недолго, она мысленно прощается со всѣми близкими сердцу. Сохранилась ея тетрадка, написанная *Vorher-sagungen* ³⁾; текстъ нѣмецкій, письма и размышленія изъ Бѣ-

1) Е. В. Пѣтуховъ, Памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, Юрьевъ 1903 г., стр. 98, прим. 1.

2) Carl v. Seidlitz, W. A. Joukoffsky (Mitau, 1870), стр. 121 прим.

3) Въ музеѣ А. Ѳ. Олѣгина.

лева, Муратова, Дерпта отъ 31 декабря 1822 г. по 4-ое марта 1823 г. ¹⁾. Сверху перваго письма нарисованъ крестъ надъ могильнымъ холмомъ, надъ нимъ слѣва въ небѣ шесть звѣздъ, представляющихъ Большую Медвѣдицу, въ концѣ тетрадки изображенія сердца, креста и якоря. На заглавномъ листѣ читается:

Я все земное совершила.
Habe ich nich beschlossen und geendet,
Habe ich nicht geliebet und gelebt!

Въ концѣ февраля 1823 года Александра Андреевна уѣхала въ Дерптъ, съ ней Жуковский, пробывшій тамъ двѣ недѣли. Маша была больна; Жуковский не подозрѣвалъ, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ. 10-го марта онъ возвратился въ Петербургъ, а 19-го какой-то посторонній человѣкъ рассказалъ ему, что она скончалась въ родахъ. „18 марта скончалась родами Мойеръ, и Жуковский опять поскакалъ туда въ прошедшую среду. Потеря ужасная: робѣнка вынули мертваго. Подробностей мы еще и по сіе время не знаемъ. Я потерялъ въ ней нѣжнѣйшаго, истиннаго друга. Хотя ни разу не видѣлъ ее въ этой жизни, но почти всякую почту переписывался. Какой прелестный ангелъ! She was too pure on earth to dwell! (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 27 марта) ²⁾. „Какъ выдержала этотъ ударъ Воейкова? Что Жуковский?“ спрашивалъ кн. Вяземскій (Тургеневу 2 апрѣля 1823 г.). Въ Дерптѣ „все здоровы и перешли на старое пепелище, гдѣ уже нѣтъ съ ними ангела-хранителя. Это названіе принадлежитъ ей: она и ихъ, и насъ всехъ хранила. Я не могу еще ни думать, ни говорить о ней безъ умиленія. Отношенія мои къ ней были единственны“ (Тургеневъ кн. Вяземскому 1823 г., 6 апрѣля).

Для Жуковского началась жизнь воспоминанія. „Съ ея свѣтлымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новою силою. Она съ

1) Июльское письмо, изъ котораго нѣсколько строкъ приведено было выше, у v. Seidlitz, Wasily Andrejewitsch Joukoffsky стр. 119 слѣд. прим.; другое въ русскомъ изданіи той-же біографіи 1883 г., стр. 150—1, гдѣ, по недоразумѣнію, авторомъ какъ будто является Жуковский („я *заказалъ* молебенъ“ и т. д.).

2) Сл. выше стр. 91: двустипіе, какъ эпитафія Андрею Тургеневу.

нами на все то время, пока здѣсь еще пробудемъ. Не вижу глазами ея, но знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокойная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія.... Мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія. Нѣтъ!.... Я какъ будто вижу глазами этого товарища и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и одобрительнѣе. Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не сдѣлаетъ.... Мысль о ней, полная ободренія до будущаго, полная благодарности за прошедшее — словомъ *religio*⁴. Ея могила будетъ для него мѣстомъ молитвы¹⁾. — Въ пятницу на Святой недѣлѣ онъ молился у нея; „теперь знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе — жизнь не для счастья: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь для души, — слѣдственно Маша не потеряна“; ее здѣшнюю можно было видѣть глазами, тамошнюю можно видѣть лишь душою, ея достойною. „Знаю, что не стою ея, но остатокъ жизни этому чувству. Она оставила ко мнѣ письмо, написанное ко мнѣ не въ минуту предчувствія, но она хотѣла, чтобы я не однимъ воображеніемъ слышалъ ея наставительный голосъ изъ гроба“²⁾. „Послѣдніе три дня мы всѣ провели на ея могилѣ, садили деревья.... Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій провелъ я на ея гробѣ. Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная; и видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли: *поэзія жизни* была она. Но послѣ письма ея чувствую, что она же будетъ снова поэзією жизни. Но поэзією другого рода“³⁾. — „Все высокое сдѣлалось теперь для меня вѣрою, все стало понятнѣе, — но это высокое надобно приобрѣсти, иначе Маша навсегда потеряна.... Жизнь точно святыня: Маша сама въ этомъ меня теперь увѣрила. Счастье не нужно, чтобы этому вѣрить. На будущее можно глядѣть спо-

---

1) Елагиной 28 марта 1823 г.; Государынѣ 25 марта (французское) съ просьбой отсрочить прїѣздъ Жуковскаго изъ Дерпта дней на десять. Съ идеями и выраженіями писемъ къ Елагиной сл. письмо къ Ал. Тургеневу по поводу кончины его брата Сергѣя 1827 г., 6 ноября.

2) Елагиной, Дерптъ 1823 г.

3) Той-же, Дерптъ 1823 г.

койно, ибо оно уже не отыметъ счастья. Оборотимся къ про-
шедшему“ 1).

„Я какъ будто вижу глазами этого товарища“, писалъ Жу-
ковскій, и увидѣлъ его:

Ты предо мною
Стояла тихо,
Твой взоръ унылый
Былъ полонъ чувствъ.
Онъ мнѣ напомнилъ
О миломъ прошломъ;
Онъ былъ послѣдній
На этомъ свѣтѣ.
Ты удалилась,
Какъ тихій ангелъ,
Твоя могила,
Какъ рай спокойна.
Тамъ всѣ земныя
Воспоминанья,
Тамъ всѣ святыя
О небѣ мысли;
Звѣзды небесъ!
Тихая ночь!

(19 марта 1823 г. 2).

Образъ, кольцо, Lieder Вейрауха 3), принадлежавшія по-

---

1) Ей-же, 19 мая 1823 г., изъ Петербурга.

2) Проф. Архангельскій отнесъ къ періоду 1822—31 годовъ, между прочимъ, и слѣдующее стихотвореніе, несомнѣнно стоящее въ связи съ стихами на смерть Маши:

Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
Ваше молчанье
Тайными чарами
Душу покоить!
Звѣзды небесъ,
Тихая ночь!
О счастье живомъ
Минувшихъ временъ,
Разъ улетѣвшемъ,
Не будемъ мечтать....

3) Сл. выше, стр. 211, прим. 1.

койной, доставлены были позже Зейдлицемъ Жуковскому, своему Herzensbruder, съ которымъ онъ не надѣялся больше увидѣться, и Воейковой ¹⁾).

Всякій разъ, когда Жуковскій могъ отлучиться изъ Петербурга, онъ слѣшилъ въ Дерптъ на могилу Маши ²⁾).

„Никогда не забуду дерптской могилы и цвѣтовъ ея“, вспоминалъ Ал. Тургеневъ въ дневникѣ 1825 года, побывавъ на кладбищѣ Pèze Lachaise.

„Милый другъ, Саша жива и даже не больна“, писалъ Жуковскій Козлову,.... мы вмѣстѣ — это не утѣшеніе, но облегченіе. На счетъ ея здоровья будь спокоенъ: слезы лучше всякаго рецепта. Но послѣднее сокровище ея жизни пропало (М. А. Мойеръ). Этому ничто не пособить. Мы ни о чемъ не говоримъ, ни о чемъ ни думаемъ, мы вмѣстѣ плачемъ, и все тутъ“ (мартъ—апрѣль 1823 г.).

Въ 1823 году, вѣроятно у Мойера, Жуковскій встрѣтилъ Языкова, только что поступившаго въ число студентовъ дерптскаго университета, и ужарски зажившаго жизнью нѣмецкаго бурша ³⁾. Пѣвецъ Эрота и круговой чаши, онъ становился чистъ и застѣнчивъ, способенъ къ „дѣвственной любви“, когда „молился“ на Воейкову. Она поднимала его нравственно, онъ сталъ ея поэтомъ, ею навѣяны, ей посвящены многія дерптскія его стихотворенія. У Мойера собиралась русская молодежь, рассказываетъ Вульфъ, „бывало недѣли въ двѣ разъ придетъ къ намъ дикарь Языковъ, заберется въ уголь, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то, бывало, не промолвить“ ⁴⁾).

Въ посланіи къ А. Н. Вульфъ (1828 г.) Языковъ поминалъ золотое время, когда

1) Письмо Зейдлица изъ Астрахани въ коллекціи А. Э. Онѣгина. — Экземпляръ музыкальныхъ композицій Вейрауха подаренъ былъ Жуковскимъ М. А. Мойеръ 19 октября 1819 г.; она подарила его Зейдлицу за *три дня* до смерти, 6 марта 1823 г., какъ гласитъ надпись на нотахъ по сообщенію проф. Висковатова (сл. Н. И. Стояновскій, В. А. Жуковскій, чествованіе его памяти въ С.-Петербургѣ 29 и 30 января 1883 г., приложение 4-е). Но М. А. Мойеръ скончалась 18 марта.

2) Зейдлицъ I. с. стр. 137—8; Дневникъ 1829 г., 21 іюня.

3) Нѣсколько данныхъ для студенческихъ годовъ Языкова даетъ Шенрокъ, Русская Старина 1903 г., апрѣль, стр. 143 слѣд.

4) Русскій Архивъ 1867 г. № 5 и 6, стр. 720.

Въ насъ торжественно бурлила
Чародѣйственная сила
Первой, дѣвственной любви;
Мы другъ другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь-ли, какъ нѣжно-пылки
Въ честь Воейковой потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда передъ костромъ?

Когда порой онъ закутитъ—и очнется, его первыя мысли обра-
щались къ Воейковой, и мы слышимъ его признаніе, — чѣмъ
она была для него:

Забуду-ль васъ когда нибудь,
Я, вами созданный? Не вы-ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили,
Мнѣ свѣтлый указали путь
И сердце биться научили?
Я берегу въ душѣ моей
Неизъяснимыя, живыя
Воспоминанья прошлыхъ дней,
Воспоминанья золотыя.
Тогда для васъ я призывалъ,
Для васъ любилъ богиню пѣнья;
Для васъ дѣлами вдохновенья
Я возвеличиться желалъ.

Для нея онъ сталъ поэтомъ, былъ „полонъ божества, могучъ
возстать до идеала“.

Тогда я ждалъ,.... Но гдѣ-жъ они,
Мои плѣнительные дни,
Восторговъ пламенная сила
И жажда славнаго труда?
Исчезло все — меня забыла
Моя высокая звѣзда.
Взываю къ вамъ: безъ вдохновеній
Мнѣ скучно въ полѣ бытія;

Пускай пробудится мой гений,
Пускай почувствую, кто я.
(А. А. Воейковой 1825 г.).

Когда она уѣзжала, онъ не дождется ея:

Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ,
И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы,
Я только трубадуръ безъ васъ.

(А. А. Воейковой)¹⁾.

По смерти Маши Жуковскій перенесъ всю свою любовь на Воейкову: онъ болѣетъ о ней, бережетъ ее издали. „Пора бы твоему чувству дать иное направлѣнiе, пишетъ онъ Ал. Тургеневу (31 января 1825 г.), пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу“. О! еслибъ можно было возвратить „старое время это со всею его простотою, какъ мы встроемъ, ты, я и Саша, еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ. Но то, что у тебя въ сердцѣ, несбыточное, невозможное, все будетъ портить, и мы, достойные другъ друга, будемъ только ронзить сами себя съ собою“.

Въ маѣ 1826 г. Жуковскій уѣхалъ за границу²⁾, откуда

---

1) Пьеса эта помѣчена 1830 годомъ, когда Воейкова уже скончалась († 1829 г.). Судя по началу, стихотворенiе написано по случаю отъѣзда Воейковой: поэтъ смотритъ съ надеждой на Петербургскую дорогу, молится, чтобъ возвращенiе было благополучно. Въ концѣ 1829 г. покинулъ Дерптъ и Языковъ.

2) Къ 1826 году отнесено 7-мъ изданiемъ г. Ефремова письмо Жуковского къ Козлову изъ Царскаго Села, гдѣ онъ живетъ въ „сосѣдствѣ съ Сашей“. „Время идетъ порядочно, благодаря занятiямъ. Жаль только одного: некогда сходить на поклонъ къ музѣ. Это твое дѣло. Обдумай на всякiй случай сюжетъ моихъ двухъ монаховъ“. Онъ проситъ его прислать два экземпляра его „Чернеца“, одинъ съ надписью В. П., другой М. П. Ушаковымъ.

справлялся о здоровьѣ Александры Андреевны; между тѣмъ у нея открылась чахотка и за границу послали ее самое. Жуковский встревоженъ, просить написать ему „всю правду“, есть ли у нея средства, хлопочетъ объ ея устройствѣ ¹⁾; встрѣтилъ ее 13/25 сентября въ Берлинѣ ²⁾ и, проводивъ, вернулся черезъ Дертъ въ Петербургъ ³⁾.

„Я опять принимаюсь за старое, пишетъ онъ отсюда Е. Г. Пушкиной 25 октября/6 ноября 1827 г., но очень много недостающего въ Петербургѣ для сердца: моя бѣдная Саша Воейкова уѣхала въ Гіеръ и остановилась въ Страсбургѣ съ больными дѣтьми. Это меня жестоко тревожить“. Онъ заинтересовалъ въ больной графѣ. Разумовскую ⁴⁾, просить Тургенева — узнавать о Сапѣ, быть ей полезнымъ, но черезъ другихъ: „твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться“ — и онъ журить пріятеля за то, что тотъ обмолвился Козловскому о своихъ чувствахъ: „о томъ, что у тебя съ нею было, ни слова никому! Это обязанность твоя и передъ собою и передо мною!... Загладь старое!“ (1827 г., 25 октября). „Не тревожь ее ничѣмъ: ея жизнь на волоскѣ“ (10 генваря 1828 г.). Объ ея здоровьѣ приходили то утѣшительныя, то тревожныя вѣсти (къ Тургеневу 6/18-го апрѣля и 2/14 сентября 1828 г.). „Вотъ цѣлый мѣсяць, какъ не имѣю никакихъ извѣстій объ Александрѣ Андреевнѣ, ни отъ нея прямо, ни отъ тебя, писалъ Жуковскому Перовскій съ театра военныхъ дѣйствій (Анапа, 22 июня 1828 г.). Напрасно стараюсь успокоить себя и увѣрить, что письма есть, но до меня не дошли. Предчувствіямъ не вѣрю, но они меня не оставляютъ; послѣднія извѣстія были такія страшныя“. Жуковский долженъ писать ему обо всемъ подробно, гдѣ бы онъ ни былъ, письма его найдутъ, „развѣ буду на томъ свѣтѣ; въ такомъ случаѣ скорого отвѣта не жди, но будь увѣренъ, что и тамъ буду

„Чернецъ“ вышеть отдѣльнымъ изданіемъ въ 1824 году; вѣрно-ли опредѣлена дата письма?

1) Къ Козлову 8/15 июня 1826 г.; къ Тургеневу 23 іюля/4 августа и 18/30 августа 1826 г.; къ Козлову 3/15 іюля, 23 іюля/4 августа и 8/20 августа 1827 г. Сл. письмо къ Жуковскому графини Разумовской 5 августа 1827 г.

2) Къ государынѣ 15/27 сентября 1827 г., къ Тургеневу 17/29 сентября того же года.

3) Къ Тургеневу 9 и 13 сентября 1827 г.

4) Сл. ея письмо къ Жуковскому 28 октября 1827 г.

я всегда твой и ея вѣрный другъ“. Онъ раненъ, просить друга написать Сапѣ, что ему лучше (4 сентября 1828 г. изъ лагеря подъ Варной), что на дняхъ будетъ здоровъ (24 сентября, Одесса) — и онъ пеняетъ на Жуковского, что тотъ встревожилъ Воейкову печальной вѣстью; это ей вредно. Она писала Перовскому, что 1 октября ѣдетъ въ Пизу; „снабдилъ ли ты ее всѣмъ нужнымъ? Въ противномъ случаѣ напиши мнѣ, я тебѣ отсюда въ состояніи отвѣчать удовлетворительно“ (28 сентября, Одесса) ¹⁾.

Между тѣмъ Жуковский спокойно, съ какимъ то умиленіемъ, ждалъ смерти Сапи, писалъ о томъ ей самой. „J'ai lu votre lettre à Peroffsky: il faut vous perdre“; и въ другомъ: „Alexandrine, mon ange! Peut-être vous êtes déjà mon ange sous tous les rapports!“ ²⁾. Къ идеѣ смерти свѣтлой, освобождающей, онъ привыкъ, кончина Маши его освѣтила, онъ такъ проникся вѣрой въ „небесное товарищество“, что говоритъ объ умирающей, какъ будто она была уже нездѣшной. „Въ мысляхъ я уже съ нею простился.... Я точно теперь въ такомъ положеніи, какъ бы самъ готовился оставить землю и перейти въ другую жизнь.... Нашъ здѣшній міръ переходитъ на ту сторону. Все отдѣляется отъ жизни. Остается одна строгая должность“ (къ Тургеневу 14/26 февраля 1829 г.). „Нѣжнѣйшій товарищъ моей души оторвался отъ нея, писалъ онъ Тургеневу, получивъ извѣстіе о ея кончинѣ (16/28 марта 1829 г.),.... и для меня навсегда съ нею исчезла самая близкая родная душа. Съ 15-лѣтняго возраста до теперешняго времени была она во всемъ моимъ прелестнымъ товарищемъ. Сперва, какъ милый, цвѣтушій младенецъ, которымъ глаза любовались въ такое время, когда душа расцвѣтала; потомъ, какъ веселая, живая, беззаботная, какъ будто обреченная для лучшаго земного счастья, какъ сама ясная надежда. Какъ была она мила въ своей первой молодости! Точно воздушный геній, съ которымъ такъ было весело мнѣ въ моемъ деревенскомъ поэтическомъ уединеніи. Потомъ, какъ предметъ заботы и состраданія, какъ смиренная, но всегда веселая, при всемъ своемъ бѣдствіи, жертва Воейкова. Все это пропало; отъ всего этого осталась послѣдняя минута ея, свѣтлая, возвы-

1) Русск. Старина 1908 г., июль, стр. 125, 127, 128 и 129.

2) Зейдлицъ I. с. стр. 146—7.

пшающаѣ душу. Передъ этою минутою молчить сожалѣнїе объ ней. Какъ жалѣть объ ней? Можно сказать, что жизнь къ ней не коснулася; она посреди всего житейскаго прошла чистою, безъ усилїя, по одной младенчески непорочнои природѣ своей“.

Воейкова скончалася 16 фѣвраля 1829 г. и погребена въ Ливорно. Жуковскїй просилъ Тургенева позаботиться объ ея памятникѣ: памятникъ долженъ быть такой же, какъ Машинъ, та-же надпись, „ихъ души были одинаковы, хотя въ разномъ образѣ; и можно сказать, что между ихъ могилами та-же разница, какая между ихъ наружностью. Для одной умершей небо Лифляндїи и тихїй уголокъ подлѣ большой дороги, за которою поле, покрытое жатвою; природа простая и прїятная, какъ ея тихїя свойства; надъ другою голубое небо Италїи съ его яркими звѣздами и благовопїями юга, очаровательными, какъ ея милое, восхитительное ребячество, какъ поэзія ея сердца“¹⁾.

Въ посвященїи Наля и Дамаянти (16/28 фѣвраля 1843 г.) Жуковскїй вспомнилъ о „двухъ родныхъ, земной судьбиной разрозненныхъ могилахъ“.

И Козловъ грустно задумался, чѣмъ была для него, еще такъ недавно, Свѣтлана:

Кругомъ гроза,—но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей свѣтлѣла;
Мнѣ замѣнилъ твой дружескїй привѣтъ
Обманъ надеждъ и блескъ веселыхъ лѣтъ;
Забылось все; какъ плѣнники въ неволѣ,
Привыкнулъ я къ моей угрюмой долѣ;
Она—скажу-ль?—мнѣ сдѣлалася мила:
Меня съ тобой она, мой другъ, свела,
*И, можетъ быть, не даромъ мы узнали,
Какъ много есть прекраснаго въ печали.*

Теперь онъ надолго разлученъ съ ней, но

Въ умѣ моемъ ты мыслию высокой,
Ты въ нѣжности и тайной и глубокой
Душевныхъ чувствъ, и ты-жъ въ моихъ очахъ,
Какъ яркая звѣзда на темныхъ небесахъ.

1) Письма къ Тургеневу 19/31 октября, 6 ноября н. ст. 1832 г., 15/27 генваря (откуда взята цитата) и 14/26 марта 1833 г. См. письмо къ роднымъ въ Муратово, Зейдлицъ стр. 149—50.

Онъ ждалъ ее, мчался къ ней душею, но его пѣсни къ ней,
пѣсни сквозь слезы, до нея не долетѣли:

Тиха ея далекая могила,
Душа свѣтла въ надзвѣздной сторонѣ,
Но сердце тѣхъ, кого она любила....
Святая тѣнь! молися обо мнѣ.

(Ал. Ан. В...к...ой).

Языкова посѣтили другія воспоминанія:

Ея ужъ нѣтъ, но рай воспоминаній
Священныхъ мнѣ оставила она.

Бывало на ежегодномъ студенческомъ пиру, „у пруда, на бар-
хатѣ луговъ“, онъ пѣвалъ „не наобумъ“, не для друзей,

Нѣтъ, не для васъ! Она меня хвалила,
Ей нравились разгульный мой вѣнокъ,
И младости заносчивая сила,
И пламенныхъ восторговъ кипятокъ.
Когда она игривыми мечтами,
Радужная, преслѣдовала ихъ,
Когда она веселыми устами
Мой счастливый произносила стихъ:
Торжественна, полна очарованья,
Свѣжа — и гдѣ была душа моя!
О! прочь мои грядущія созданья,
О! горе мнѣ, когда забуду я
Огонь ея привѣтливаго взора,
И на челѣ избытокъ стройныхъ думъ,
И сладкій звукъ рѣчей, и свѣтлый умъ
Въ лющемся кристалѣ разговора.
Ея ужъ нѣтъ! Все было въ ней прекрасно!
И тайна въ ней великая жила,
Что юношу стремилъ самовластно
На видный путь и чистыя дѣла
.....
Блаженъ, кого любовь ея ласкала,
Кто пѣлъ ее подъ небомъ лучшихъ лѣтъ.....
Она всего поэта поднимала —

И гордь, и тихъ, и трепетенъ поэтъ
Ей приносилъ свое боготворенье.

(Воспоминаніе объ А. А. Воейковой 1831 г.)¹⁾.

Въ 1833 году Жуковскій былъ въ Италіи.

Ты будешь зрѣть тѣхъ волнъ очарованье,

пѣлъ ему Козловъ

И нѣжный блескъ надъ Brentою луны,
И вспомнишь ты думъ пламенныхъ мечтанье,
И юныхъ лѣтъ обманутые сны.
О, въ сладкій часъ, душою посвященный
Друзьямъ живымъ и праху незабвенной....
Скажи землѣ пѣвца Ерусалима
Какъ мной была прекрасная любима.
(Къ Италіи. В. А. Жуковскому).

„Прекрасная“ — это, можетъ быть, Италія; незабвенная, — вѣроятно, Воейкова. Для Жуковского она и Мойеръ сплывались уже „здѣсь“ въ „товариществѣ небесномъ“.

14 апрѣля 1833 года Жуковскій былъ въ Ливорно и записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я отправился на кладбище. Долгъ свой милому праху Сапи заплатилъ только біеніемъ сердца при приближеніи. Остальное смущено поспѣшностью, помѣхою; я срисовалъ милой гробъ нашъ. Мѣсто тихое, ясное“. Изъ Ливорно онъ поѣхалъ въ Пизу, гдѣ случай привелъ

---

1) Сл. дневникъ А. Н. Вульффа 19 іюня 1832 г. у Л. Майкова. Пушкинъ, біографическіе матеріалы, стр. 181. Быть можетъ, памяти Воейковой („Ея ужъ нѣтъ, любви моей прекрасной“) посвящено стихотвореніе безъ даты: Объ ней. — „Какое-то неизгъяснимо смутное чувство проникаетъ душу, когда читаешь послѣдніе стихи Ник. Мих. (Языкова): и отрадно, и тяжко. Это хоть не голосъ умирающаго, а что-то прощальное. Поразительно, что его послѣднее слово и послѣдняя мысль были обращены къ отшедшимъ: къ годамъ студенчества и къ Воейковой, какъ будто онъ ужъ подавалъ голосъ тому свѣту“. Вас. Вас. Кирѣевскій къ А. М. Языкову 15 іюня 1847 г., Русская Старина 1883 г., стр. 629. „Женщинъ боялся онъ, какъ огня, пишетъ о Языковѣ Д. Н. Свербаевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мечталъ о нихъ постоянно... Онъ воспѣвалъ ихъ не одну, а многихъ, и былъ, кажется, пресерьозно влюбленъ въ Воейкову“. Русск. Арх. 1899 г. Сентябрь, стр. 144—5.

его остановиться „въ трактирѣ окнами противъ окна, въ коемъ сидѣла Саша, и противъ той башни, которая своимъ звономъ оживила ея послѣднюю земную минуту“¹⁾.

Эпитафіей Воейковой выбраны слова евангелія отъ Іоанна (XIV, 1—4), которыя Жуковский назначилъ для надгробной надписи Машѣ — и себѣ²⁾: „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“ и т. д.

Извиняясь передъ О. Н. Глинкой за свое долгое молчаніе, Воейковъ ссылаясь на „черный“ годъ: потеря жены, переведеніе дѣтей изъ-за 5000 верстъ (?), хлопоты о томъ, какъ бы, куда бы приютить ихъ³⁾; затѣмъ у дѣтей коклюшъ, у него самого четыре раза начинался антоновъ огонь. „Вотъ радости, въ коихъ утопаешь тотъ человѣкъ, котораго недавно знали вы здоровымъ, счастливымъ любовью ангела-подруги, въ цвѣтникахъ дѣтей, въ кругу образованнѣйшаго общества столицы, осыпаннаго милостями царя и особеннымъ благоволеніемъ великаго князя Михаила Павловича. Теперь онъ стоитъ, какъ под-

1) Въ 1839 году Жуковский посѣтилъ въ Гаагѣ М-me Dedel: „Она познакомилась съ Сашею въ Герѣ, потомъ съ нею вмѣстѣ была въ Герѣ и Пизѣ и закрыла ей глаза“ (Дневникъ 11 / 22 апрѣля 1839 г.).

2) См. письмо кн. Вяземскаго Плетневу 19 ноября / 1 декабря 1852 г. Эта эпитафія изображена, въ числѣ другихъ, на гробницѣ В. А. и Е. А. Жуковскихъ на кладбищѣ Александроневской лавры.

3) Дѣтей Воейковой привезъ въ Дерптъ къ ихъ бабушкѣ Зейдлици. Жуковский не только доставилъ Воейковой необходимыя средства для поѣздки за-границу, но позаботился и о ея семьѣ (Зейдлици I. с. стр. 145 слѣд; Зонтагъ въ Отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1898 г., стр. 132 слѣд.: письмо къ А. М. Павловой). Въ виду этого онъ хлопоталъ о сохраненіи за Воейковымъ изданія „Инвалида“, хотя съ Воейковымъ у него нѣтъ ничего общаго, писалъ онъ Имп. Николаю Павловичу: „меня приковала къ нему бѣдственная судьба его жены, которая выросла на моихъ рукахъ и стояла лучшей участи. Я и теперь прикованъ къ нему ея милыми сиротами“ (письмо 30 марта 1830 г., Русскій Архивъ 1896 г., № 1, стр. 113). Въ письмѣ къ государю (Эмсъ 1840 г., июль) Жуковский говоритъ, что въ 1839 году продалъ свою аренду, чтобы обезпечить сиротъ Воейковыхъ. По его просьбѣ Марія Воейкова принята была въ Екатерининскій институтъ (Русская Старина 1898 г. ноябрь, стр. 364 слѣд.), и позже государыня пристроила ее при вел. княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ (письмо къ Государынѣ изъ Дармштадта 1844 г., 25 марта). Онъ же заботился о сынѣ Воейковой, Андрѣѣ, воспитывавшемся въ Женевѣ, и о наслѣдствѣ его сестры Екатерины, составившемся изъ даннаго имъ-же капитала (письмо къ Наслѣднику 20 генваря 1847 г.).

рытая башня-руина, готовая обрушиться на развалины и пепель, ее окружающія. Это все внѣшнее; въ сердцѣ же своемъ я спокоенъ; когда-же взгрустнется, то вспомню слова Спасителя, вырѣзанныя на могилѣ моей Александры Андреевны: Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте". (16 ноября 1829 г.) ¹⁾.

---

1) Литературный Вѣстникъ, т. IV, кн. 8 (1902 г.), стр. 345—7.